

Мия Латиска

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЗАПРЕТНАЯ

У края прюности

Мия Ланская

Запретная. У края пропасти

«Автор»

2026

Ланская М.

Запретная. У края пропасти / М. Ланская — «Автор», 2026

— Это неправильно, Тамерлан, — отвожу взгляд.— Это единственное, что здесь правильно, — брат мужа горячо дышит на мои губы. — Скажи, что боишься, Сафира.— Боюсь... — мой голос срывается на шёпот, а кожа под его прикосновениями горит. — Боюсь, что ты остановишься...***Муж купил меня, красивую, послушную и посадил в золотую клетку. Два года я была дорогой вещью в его коллекции. Пока не появился ОН. Его брат. Тамерлан. Он вошел в мою клетку и научил летать. Его взгляд - как огонь по коже. А прикосновения - как падение в бездну. Он - единственное мое спасение из этого ада, и в то же время мой самый страшный, самый желанный грех.

© Ланская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	7
Глава 2.	10
Глава 3.	13
Глава 4.	15
Глава 5.	18
Глава 6.	20
Глава 7.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мия Ланская

Запретная. У края пропасти

Пролог

Единственный выход из ледяного ада — броситься в объятия пламени...

Темнота в винном погребе не просто черная. Она бархатная, густая, пропитанная запахом дуба и терпкого винограда.

Прижимаюсь спиной к прохладному каменному стеллажу, пытаюсь вдохнуть полной грудью, пытаюсь унять дрожь, но воздух обжигает легкие, словно глоток раскаленного вина.

Тамерлан запирает дверь. Щелчок замка звучит, как приговор.

Слышу его шаги. Ботинки поскрипывают по каменному полу. Я зажмуриваюсь, будто это может мне помочь.

– Сафира? – его голос с ленцой плывет из темноты, низкий, хриплый.

Сжимаю кулаки. Ногти впиваются в ладони. Кожа покрывается бешеными мурашками от предвкушения и страха.

И вдруг он возникает прямо передо мной. Вижу его. Чувствую. Чувствую тепло его тела, исходящий от него заряд. Мое сердце колотится так, что, кажется, эхо разносится по всему погребу.

– Боишься остаться со мной наедине? – Его горячее дыхание касается моей кожи.

– Я не боюсь тебя, – выдавливаю.

Он смеется.

— Зря, Сафира. Очень зря...

Его рука касается полки рядом с моей головой. Бутылки тихо звенят, словно вторят моей панике.

Тамерлан не трогает меня. Пока... Просто стоит, загородив собой весь мир. Его запах – это не чопорный парфюм моего мужа Алишера. Это что-то другое – пьянящий аромат дикой мяты и мускуса.

– Знаешь, за чем я пришел, Сафира? – шепчет он так близко, что его губы почти касаются мочки моего уха.

– Уходи, Тамерлан...

– Не могу. Видишь ли, я нашел в доме брата кое-что редкое. Спрятанное сокровище. А у меня дурная привычка – я всегда забираю то, что мне нравится. И не важно, кому это принадлежит.

Его пальцы, наконец, касаются меня. Не грубо. Кончиками. Сначала – моей щеки. Потом скользят по линии челюсти к подбородку, приподнимают его, заставляя смотреть на него в полумраке.

– Мой брат не ценит тебя по достоинству. Он не видит, как тут, под ухом, трепещет пульс. А тут... – большой палец обводит контур моих губ, – ты вся дрожишь от желания, которое так тщательно хочешь скрыть.

Я пытаюсь отстраниться, но спина упирается в камень. Бежать некуда. Он – мой капкан. Его рука скользит по моей шее, останавливается на ключице, дразняще задевая вырез платья.

– Вот чего я не понимаю, – его голос становится низким, хриплым, пропитанным похотью, – зачем прятать такую красоту под тряпками? Зачем запирает в клетке, когда такая жар-птица должна блистать в лучах солнца? Или хотя бы... гореть в моих руках...

С треском, от которого я вздрагиваю, бретелька платья лопаается. Тонкий шелк разрывается, словно моя жизнь. Холодный воздух обжигает обнаженное плечо.

– Стой... – вырывается у меня отчаянный шепот.

– Поздно, Сафира. Очень. Надо было сказать "стой", когда я позвонил в дверь. Когда вошел в твой дом. Когда смотрела на меня исподтишка, зная, что я хочу тебя. Ты молчала. Молчание – знак согласия.

Его вторая рука находит пояс платья. Не ищет замок. Сильные пальцы просто рвут тонкую ткань. Еще один резкий звук. И еще. Платье спадает с меня тяжелым, бесполезным лоскутом, застревая на бедрах. Я пытаюсь прикрыться руками, но он ловит мои запястья, прижимает их железной хваткой к стеллажу по бокам от моей головы.

Он видит меня. В полосе тусклого света, пробивающегося сквозь решетку под потолком. Видит все. Полуобнаженную, дрожащую от страха и... возбуждения.

Он замирает. Дыхание сбивается. Маска насмешки сползает с его лица, обнажая голод. Чистую, первобытную жадность.

– Аллах мой... – хрипит он.

Потом врывается в мои губы грубым, всепоглощающим поцелуем. В нем нет ни капли нежности, только безумный голод.

Я пытаюсь сопротивляться, отвернуться. Но он снова ловит мое лицо, держит, целует еще глубже. Его властный язык требует ответа. И я... отвечаю. Не сразу. Сопротивление тает под напором этой ярости, превращаясь в нечто горячее и опасное. Цепляюсь зубами в его нижнюю губу. Он рычит. Прижимает свое тело к моему, заставляя почувствовать каждую линию, каждую мышцу и внушительный бугор между его ног. Аллах мой...

Одной рукой он все еще держит мои запястья, другой срывает с меня последние лоскуты одежды. Пальцы скользят по моему животу, бедрам, и я слышу, как он клянется сквозь зубы, на каком-то своем, грубом языке.

– Ты моя, – шепчет он мне в губы, когда отпускает их на секунду. – С этой секунды. Не его. Моя. Поняла?

Я не успеваю ответить. Тамерлан отпускает мои руки, и в следующее мгновение его ладони подхватывают меня под бедра, отрывая от пола, прижимая к стеллажу. Бутылки звенят за спиной. Камень холодит голую кожу.

– Смотри на меня, – приказывает он, и в его голосе непереносимое напряжение. – Хочу видеть твои глаза, когда я возьму тебя. Хочу видеть, как в них гаснет всё, кроме меня...

Глава 1.

Мои пальцы машинально выравнивают серебряную вилку на белоснежной скатерти. Ровно, параллельно ножу. Расстояние – сантиметр. Ни больше, ни меньше. Я знаю это с закрытыми глазами. Как и все в этом доме. Здесь у каждой вещи есть свое место. И у меня в том числе.

– Сегодня приезжает Тамерлан. – Слышу за спиной резкий голос Алишера. Вздрагиваю, но не оборачиваюсь. Не хочу смотреть на него лишний раз.

Слышу его шаги по паркету, тяжёлые, властные, отмеряющие пространство, которое принадлежит ему одному. Он останавливается сзади. Его тень накрывает меня целиком и ложится холодным пятном на идеально накрахмаленную скатерть.

– Я знаю, – тихо отвечаю, продолжая расставлять фужеры. Хрусталь звенит в моих руках едва слышно. – Ты говорил...

– Говорил, – повторяет он. Его рука ложится мне на плечо. Не ласково. – Говорил, но хочу убедиться. Ты понимаешь, что это важно?

Я киваю, чувствуя, как его пальцы впиваются в мою кожу чуть сильнее, чем нужно. Больно. Но я терплю. Научилась.

– Понимаю.

– Он... – Алишер делает паузу, и в его голосе прорывается знакомая, едкая нота – смесь презрения и ревности к младшему брату. Который всегда свободен. Которому позволено всё. – У него всегда были самые красивые, самые яркие женщины. Актрисы, модели, непутёвые дочери богатейших ханов... Не хочу ударить в грязь лицом перед ним. Хочу, чтобы он видел, что у меня – лучше. Понимаешь? Идеальная жена. Идеальный дом. Идеальная жизнь. Всё то, чего у него никогда не будет, потому что он... никчёмный повеса.

– Я поняла, Алишер, – отвечаю, лишь бы он поскорее отстал от меня.

– Ты должна выглядеть безупречно, Сафира, – но он и не собирается этого делать. Ладно хоть, руку с плеча убирает. И я чувствую, как под тонкой тканью блузки застывает отпечаток его пальцев. – Надень то синее платье. Шёлковое. И жемчуг, который я тебе подарил. Ты будешь сидеть прямо. Молчать, когда нужно. Улыбаться, когда я разрешу. Ты будешь... картиной в золотой раме.

Сглатываю ком в горле.

Алишер обходит меня, встает с другой стороны стола, закладывает руки за спину. Смотрит на меня, как на скот перед аукционом.

– И ещё, Сафира, – его голос становится тише. – Не вздумай с ним кокетничать. Не смей даже смотреть в его сторону больше, чем того требуют приличия. Ты поняла меня?

В его глазах вспыхивает что-то дикое, первобытное. Страх. Страх перед тем, что даже его идеально выдрессированная птица может увидеть в клетке другого хищника и захотеть к нему.

– Я и не собиралась, – отвечаю, и мой голос звучит ровно, почти без эмоций. – Мне не о чем с ним говорить.

Это правда. Тамерлан... он как скользкая, опасная тень. Я видела его всего дважды.

Первый раз – на нашей с Алишером свадьбе. Он стоял в стороне от общего веселья, прислонившись к косяку, с бокалом коньяка в руке. И смотрел сквозь меня. Его взгляд был пустым, скучающим, будто он видел перед собой не живого человека, а очередную безделушку в коллекции брата.

Второй раз – год назад, на юбилее свекрови. Он поздоровался со мной лишь кивком. Не сказал ни слова, сразу отвернулся к кому-то из гостей, бросив через плечо колкость, от которой все засмеялись. Его взгляд, мельком брошенный в мою сторону позже, был полон того

же холодного, почти безразличного равнодушия. Как будто я была не человеком, а пятном на безупречной репутации его семьи. Соринкой, которую стряхнули с плеча.

– Послушная девочка, – одобрительно кивает Алишер, но в его глазах нет тепла. Есть лишь удовлетворение от того, что механизм работает исправно. – Мать обещала помочь тебе с подготовкой.

Свекровь. Залина-ханум. При ее упоминании во рту появляется горьковатый привкус. Эта женщина – живое воплощение нестигаемых традиций. Её любимое занятие – находить трещины в моём фасаде. «Спина не прямая, Сафира... Слово лишнее сказала... Взгляд не тот, слишком дерзкий... Куда глаза подняла? В землю смотри, в землю!... Ты же теперь лицо нашей семьи. Помни о чести...». За два года – ни единой похвалы.

Алишер уходит в свой кабинет, хлопнув дверью. Тишина в столовой снова становится густой, давящей. Я беру со стола одну из хрустальных рюмок, смотрю сквозь нее на свет. Она идеальна. Как и я. Я играю роль безупречной жены уже два года.

Перед глазами, против воли, всплывают картинки из прошлого.

Как отец, в своём потертом, но безупречно чистом профессорском пиджаке. На коленях. В этом самом доме, два года назад. Не перед Алишером. Перед его отцом, моим теперь покойным свекром. Голос отца, всегда такой твёрдый на лекциях, срывался до шёпота, полного унижения: «Я отдам всё... честное слово... все исследования, имя... но только не трогайте семью. Не трогайте мою Сафир-Джан. Она свет очей моих...».

А я стояла рядом, в своём простом ситцевом платье, и не могла пошевелиться. Стыд прожигал меня насквозь, жарче любого огня. Отцовский долг, долг чести, превратился в позолоченную петлю на моей шее. Их «великодушное» предложение прозвучало как приговор: брак в обмен на списание долга и защиту репутации. «Мы возьмём твою дочь в нашу семью. Это будет честь для вас».

Мама плакала, умоляла меня согласиться. «Они сильные, они защитят тебя, дочка. У них связи. Алишер — серьёзный, обеспеченный человек. Ты будешь как за каменной стеной».

Серьёзный. Да. Настолько серьёзный, что в первую же брачную ночь взял меня без единого ласкового слова. Грубо, по-хозяйски. Получил своё, обозвал «деревенской простушкой» и, отвернувшись, захрапел. А я лежала и смотрела в потолок, чувствуя, как что-то нежное и хрупкое внутри меня разбивается вдребезги, звонче любого хрусталя.

А потом – первое утро. Залина-ханум внесла в нашу спальню огромный серебряный поднос. «На, учись. Кофе должен быть горьким, как правда, и горячим, как ненависть. Так любит мой сын. И запомни раз и навсегда: в нашем роду женщины кровь из носу, но должны быть лучшими. Лучшей женой, лучшей хозяйкой, матерью будущих джигитов. А иначе... зачем ты тут? Ты вошла в наш дом по нашей великой милости. Не смей об этом забывать ни на секунду».

Я ставлю рюмку на место. Возвращаюсь в реальность.

Сегодня приедет он. Тамерлан. Ураган в человеческом обличье.

Если Алишер выверенный, холодный, жесткий, то Тамир опасный и непредсказуемый. Высокий, на голову выше брата. Его темные волосы всегда слегка взъерошены, будто он только что вышел из постели. Лицо – не классически красивое, а... притягательное. С резкими скулами, упрямым подбородком и пухлыми губами. Но главное – глаза. Тёмные, как ночное небо над горами, бездонные. В них можно утонуть. Или сгореть. В них живут одновременно скука циника и дикий, неукротимый огонь, который, кажется, может спалить дотла весь этот выхоленный, идеальный мир его брата.

От Тамерлана исходит аура абсолютной, ничем не скованной свободы. И смертельной опасности. Он тот, кто смотрит на правила и смеется. Тот, кого нельзя приручить. Тот, кого бояться и желают одновременно. Тот, о ком шепчутся на кухне служанки, закатывая глаза.

Подхожу к огромному, во всю стену, окну, выходящему во внутренний двор. Сад, который я никогда не любила. Слишком ухоженный. Слишком правильный. Каждая роза знает в нем своё место. Каждая тропинка вымерена ландшафтным архитектором.

Где-то там, за этими высокими каменными стенами, за горами, на моей малой родине, сейчас, наверное, вовсю цветут дикие азалии. И пахнет не дорогим удобрением для английских роз, а дождём на нагретой за день земле, дымком от дальнего костра и свободой. Дикой, неукротимой, пахнувшей опасностью и жизнью.

Прижимаюсь лбом к прохладному, идеально чистому стеклу. Через два часа начнётся этот спектакль. Мне нужно будет надеть синее шёлковое платье и тяжёлое жемчужное ожерелье, которое давит шею, как ошейник. Сесть за стол. Улыбаться. Молчать.

А ещё – выдержать. Выдержать этот вечер под прицелом равнодушных глаз брата мужа, которые видят во мне лишь дорогую вещь. И почему-то именно это ожидание его холодного, оценивающего взгляда заставляет мое сердце биться чаще.

Глава 2.

Чёрный Гелендваген с ревущим двигателем врывается в идеальную тишину нашего двора. Осторожно подхожу к окну. Дверца машины распахивается.

Тамерлан выходит неспешно, растягивая момент, будто давая всем – дому, саду, мне в окне – время осознать его присутствие. Темные брюки, идеально сидящие на нем, черная рубашка с растегнутыми верхними пуговицами, на шее – серебряная цепь. Ни пиджака, ни галстука. Никакого почтения к формату. Солнечные очки задвинуты на коротко стриженные темные волосы. Он снимает их, небрежно суёт в карман, и что-то бурчит своему водителю. Потом, взяв сумку, поворачивает к дому.

Его взгляд, словно снайперский прицел, находит меня в окне второго этажа. Не изменился. Все тот же холодный скользкий взгляд. Он задерживается на мне на секунду – ровно столько, чтобы я успела ощутить, как по спине разбегаются сумасшедшие мурашки.

Будто почувствовав это, Тамир кривит губы в едва заметной улыбке и направляется ко входу, даже не кивнув.

Отхожу от окна, сердце колотится глупо и громко.

Через пару секунд внизу начинают раздаваться голоса. Размеренный баритон Алишера и чуть хриловатый, с ленивыми, растянутыми нотами – голос его брата.

Я заставляю себя дойти до туалетного столика и посмотреть в зеркало. На мне то самое синее платье, которое просил надеть муж. Дорогой, тяжелый шелк, цвет ночного неба перед грозой. Жемчуг холодными бусинами лежит на ключицах. Лицо безупречно. Макияж, сдерживающий любые эмоции.

– Сафира! Спускайся! – доносится снизу голос мужа.

Делаю последний, глубокий вдох, наполняя легкие воздухом этого дома – вымороженным, чистым, безжизненным.

Спустившись, вижу как Тамерлан наклоняется к матери, целует её в щеку.

– Мамаджан, приветствую...

– Опять небритый. Как мальчишка! – Свекровь с любовью хлопает его по спине, поправляет воротник рубашки. В её прикосновении больше ласки, чем она проявляла ко мне за все два года. Ну понятно, это же ее любимый младший сынок. А я чужая. Листок, сорванный с чужого дерева.

– Тамир, с приездом вас! — произношу, спускаясь.

Протягиваю ему руки для формального, холодного приветствия, принятого в их кругу.

Его пальцы обхватывают мои – крепко, на долю секунды дольше, чем нужно. И от этих прикосновений по мне будто ток пускают. Под кожей растекаются жгучие искорки, заставляя сердце биться чаще. Аллах! Это же харам. Он мой деверь...

– Сафира, – отзывается Тамерлан. – Рад видеть. За два года ты не поменялась. Ни капли. Что он имеет ввиду? Хочет сказать, что я так и осталась пылью на витрине?...

Алишер смеется, явно не уловив подтекста.

– Брат мой, ты же знаешь, я всегда ценю постоянство! А ты... как обычно на денёк почтил нас своим присутствием?

– Не хочу тебя огорчать, брат. Но на этот раз я планирую остановиться тут иншалла надолго, – оглушает нас Тамерлан.

– Альхамдулиллях, как же мы все рады! – Свекровь расплывается в улыбке. Да... улыбка на ее лице – это редкость. – Баракят в дом вошел!

А вот на Алишере лица нет. Настроение испортилось. Явно недоволен. Да и я, если честно, тоже не в восторге. Наблюдать здесь Тамерлана каждый день – то ещё испытание.

– Ну что же, я рад, брат, – муж явно лицемерит. – Прошу к столу.

Весь ужин Алишер рассказывает о новых контрактах, о почетной грамоте от мэрии. Говорит громко, с пафосом, бросая взгляды на брата.

Тамерлан слушает, откинувшись на спинку кресла, играя пальцами с бокалом, который ему налили. Он не перебивает. Но его молчание – каменное, тяжелое – говорит красноречивее любых слов. Ему скучно. Убийственно скучно.

Один раз даже замечаю его взгляд на себе. Он скользит по мне темными глазами, будто проверяя, не скучно ли мне. Я опускаю глаза в тарелку, считаю узоры на фарфоре, лишь бы на него не смотреть.

– Сафира, передай Тамирчику соус, – вдруг говорит свекровь. – Он любит острый.

И почему я не удивлена?

Протягиваю соусник. Наши пальцы вновь соприкасаются. И опять меня прошибает электрический разряд.

Тамерлан поднимает глаза и смотрит. Непродолжительно. Но пристально. Изучает каким-то другим взглядом. Как будто я – сложный пазл, который ему никак не удастся разгадать.

– Она у нас учится, – вмешивается свекровь своим сладким, ядовитым тоном. — Учиться запоминать. Какие цветы я люблю, какой Алишер пьет кофе. Прямо энциклопедия домашнего хозяйства...

– Удобно, – произносит Тамир. – У Алишера всё под рукой. И бизнес-партнёры по соседству, и жена... обученная... и...

Хочет, что-то сказать, но не договаривает.

Алишер не возражает. Для него это не оскорбление. Это констатация. Да, обученная. Как хорошая лошадь. И эта лошадь сейчас чувствует на себе взгляд другого наездника. Прекрати, Сафира! Эти мысли все от шайтана!

После ужина муж уводит братишку в кабинет «обсудить мужские дела». Свекровь удаляется отдохнуть. А мне велят отнести в кабинет кофе и свежие фрукты.

Несу поднос, ступеньки кажутся невероятно высокими. Стучусь.

– Войди. – Слышу грубый голос мужа.

В кабинете пахнет сигарами. Мужской разговор резко обрывается при моём появлении. Алишер сидит за столом. Тамерлан – в кресле у окна, полуобернувшись к закату. Но как только видит меня, накидывается взглядом на меня.

– Поставь там, – кивает Алишер на низкий столик. – И можешь идти.

Я выполняю, расставляю чашки. Киваю и выхожу.

Стою в коридоре, прислонившись к стене. И ничего не понимаю. Почему Тамир смотрит на меня таким взглядом? До такой степени терпеть меня не может? Или... наоборот?

О, Аллах, спаси и сохрани! Эта дрожь унесет меня в геенну огненную. Он – брат мужа. Мне даже думать о нем нельзя!

Тут вдруг открывается дверь.

– Сафира, подслушивать нехорошо, – оглушает Тамерлан. Его голос тише шелеста шелковой ткани.

– Я... я не подслушивала... я просто...

– Не оправдывайся, – перебивает он на полуслове, и от этого повелительного жеста у меня перехватывает дыхание.

Делает шаг ближе, и воздух между нами становится гуще, тяжелее от запаха его одеколона и чего-то опасного. – Это платье... оно – как футляр. Тебе не идёт.

Я замираю, не в силах сдвинуться с места, прижатая к стене тяжестью его взгляда.

– Синий – цвет тоски и покорности. – Брат мужа медленно проводит взглядом от моих плеч до линии талии, и мне кажется, будто его пальцы скользят по шелку, обжигая кожу под ним. – А тебе... тебе к лицу красный. Цвет зари. Цвет того огня, что ты прячешь...

Он произносит это последнее предложение почти шепотом, но оно звенит в тишине коридора громче любого крика. Потом его взгляд еще раз, медленно и оценивающе, скользит по моему лицу, будто проверяя эффект своих слов. И, не дожидаясь ответа, который так и не смог сформироваться у меня в пересохшем горле, Тамир разворачивается и уходит.

Теперь после этих его слов я вообще ничего не понимаю.

Да как он смеет вообще?! Он говорит о том, как я должна выглядеть. Он покушается на право моего мужа решать, что мне носить. Я должна забыть эти слова.

Но почему тогда в груди не холод от осознания харама, а этот дикий, стыдливый жар? Почему рука сама тянется к горловине платья, к этому “футляру”, будто мне и правда внезапно стало в нем душно, тесно, невыносимо?

Алишер строг, но он свой. Его правила я знаю. Его гнев предсказуем. А этот Тамерлан... Он как гроза, которая собирается на горизонте. Непонятная, чужая, несущая не дождь, а что-то разрушительное. И почему-то эта гроза пугает меня меньше, чем вечное, тоскливое солнце в моей золотой клетке?...

Глава 3.

Алишер уехал по рабочим делам наутро после приезда брата. Его последние слова, брошенные мне на пороге, были как удар плетью по лицу: “Тамерлан будет здесь. Не вздумай высываться, словно курдючная овца на виду у волка. Твоя задача – быть тенью. Или ты забыла, что случается, когда твоя тень привлекает чужие взгляды?”

Он не стал уточнять. Не нужно. Шрам на моём ребре, скрытый шелком, напомнил о себе лёгкой тянущей болью.

“Чужие взгляды...”. Месяц назад, на празднике у соседей, один из молоденьких гостей налил мне стакан айрана. Просто подал. Улыбнулся. Сказал: “Жара, вам, наверное, тяжело в таком наряде”.

Я вежливо кивнула и взяла стакан. Больше ничего.

Но Алишер увидел. Увидел и этот взгляд, и эту улыбку.

Вечером того же дня он “случайно” толкнул меня о резной угол комода в спальне. И добавил яростным голосом: “Наша честь — хрусталь. Ты не должна привлекать внимания всякой дворовой шушеры. Запомни. Или ты хочешь, чтобы этого человека выгнали с позором из города?”

Я молчала, стиснув зубы, чтобы не закричать от боли и унижения.

На следующее утро мы узнали, что того парня срочно перевели куда-то за тысячу километров.

С тех пор я помню: даже случайный взгляд постороннего мужчины – это преступление. А уж взгляд его брата...

Поэтому, услышав лёгкие, развязные шаги на лестнице в зимний сад, пытаюсь раствориться среди орхидей, стать пыльцой на их лепестках. Бесполезно.

Тамерлан чувствует добычу, как горный волк.

– Прячешься, невестка? – Его голос звучит прямо у меня за спиной, низкий, с той самой волчьей усмешкой, которая заставляет сердце сжиматься.

Оборачиваюсь, стараясь вылепить на лице маску безмятежности.

Мужчина стоит, засунув руки в карманы дорогих льняных брюк. На нём сегодня простая белая футболка, обтягивающая торс так, что видно каждый рельеф мышц.

– Я поливаю цветы, – отвечаю, сжимая лейку так, что костяшки белеют.

– Цветы, – повторяет он, делая медленный круг, как хищник вокруг добычи.

Скользит взглядом по шее, останавливается на талии, на бёдрах. Это не взгляд деверя. Это взгляд джигита, оценивающего кобылицу на горском ипподроме.

— Брат мой всегда был эстетом. Выбирает только самое красивое. Даже если потом не знает, что с этой красотой делать...

Алишер... Он никогда не смотрел на меня так. С момента, как я стала его женой, его взгляд – это всегда проверка. Проверка на соответствие. На послушание. На чистоту. Ни разу – на красоту. Ни разу в его глазах не вспыхивало то, что сейчас пляшет в тёмных зрачках его брата. Это непривычно. Это пугает до дрожи в коленях. Чувствую, как кровь бросается в лицо, предательски алея на щеках.

– Это... неуместно, – говорю, поворачиваясь к цветку, будто он самый важный в мире.

– Что? Правда? – Брат мужа шагает ближе.

Теперь я чувствую исходящее от него тепло, как от печки в холодной горской сакле.

Тамерлан — первый и единственный мужчина, кроме Алишера, который так близко, который дышит мне в лицо. И от этого голова кружится сильнее.

Пытаюсь отойти, но спиной упираюсь в стеллаж с растениями. Брат мужа оказывается в сантиметре. Так близко, что вижу золотистые искры в его карих глазах, цвета спелого каштана, тёмные ресницы, тонкий шрам над бровью...

Его дыхание, с легким запахом табака и мяты, касается моей щеки. Так близко. Ближе, чем когда-либо был муж в моменты, что не были супружеским долгом.

Алишер никогда не стоял так — просто чтобы смотреть. Просто, чтобы дышать одним воздухом...

— Отойдите, — шепчу, но в голосе — предательская дрожь.

— Почему? — Тамир наклоняется ещё, его губы — рядом. Голос становится тихим, интимным. — Боишься, что ханум-эне увидит? Или боишься себя? Ту дикарку, что прячешь под всеми этими слоями шёлка, жемчуга и покорности?

Он проводит кончиком пальца по моей шее. Прикосновение лёгкое, как крыло мотылька, но от него по всему телу бегут не мурашки, а искры, будто он чиркнул огнём по моей замёрзшей коже.

Муж прикасается ко мне с правом собственника. Его прикосновения — это боль.

А это... это другое. Это — искушение. Тамир точно змей-искуситель.

Я помню, что на том юбилее свекрови он закрутил шашни с женой одного бая из нефтяного совета. Потом был скандал на весь аул. Откупались от позора.

Мне, конечно, деталей никто не рассказывал. Но шепотки на кухне, переглядывания гостей — я всё видела.

Репутация той несчастной женщины тогда сгорела.

И я чувствую, как горю сама. Внизу живота ёкает что-то тёплое, влажное и такое запретное, что хочется вырвать эту мысль с корнем.

Задерживаю дыхание. Сердце колотится, как барабан на народном празднике, зовущий к пляске, к безумию.

— Какая гладкая кожа, — шепчет он, и его палец медленно ползёт вверх, к основанию горла, к тому месту, где обычно давит жемчужное ожерелье. — И какая... холодная. Будто тебя закопали заживо в этом дворце. Интересно, что нужно, чтобы растопить этот лёд?

Он играет со мной! Играет, как играл с той женой бая. Но зная это... почему я не оттапливаю его? Почему каждая клетка ждёт, куда двинется его палец дальше?

И в этом взгляде — та самая свобода, о которой я только мечтаю, крадучись по ночам к окну. Мечтаю и тут же гоню прочь, потому что помню...

Помню, как год назад, собрав в узелок мамины серьги и паспорт, попыталась улизнуть на рассвете, как последняя рабыня.

Алишер ждал у ворот. Не кричал. Просто взял за волосы, прижал лицом к холодному камню стены и прошипел на ухо: “Попробуй ещё раз, гяурская душа. И я не тебя накажу. Я раздавлю твоего отца, как клопа на ковре. Мать твою убьёт позор. Ты — мой намыс, моя честь. И честь моя будет чиста, даже если для этого мне придётся сделать тебя безгласной и безногой, как ту бабочку под стеклом в гостиной...”

С тех пор я мечтаю только украдкой...

Тамерлан тяжело дышит рядом, опуская взгляд на мои губы. В его глазах — ни грамма родственного. Только голое, честное желание.

В этот момент доносится громкий голос свекрови.

Глава 4.

Она зовёт не меня. Отчитывает служанку за пылинку на портрете свекра.

– Ты что, в хлеву выросла? Глаза даны, чтобы видеть! Руки, чтобы слушаться!... – орет хозяйка. Ее крик долетает даже сюда, в зимний сад.

Тамерлан мгновенно отстраняется. На лице вновь появляется привычная маска лёгкого, вселенского презрения. Но в глазах, мелькнувших в мою сторону, я успеваю поймать тень чего-то другого. Досады? Или... предвкушения продолжения охоты? Он ведь только начал свою игру.

– Кажется, там начинается судный день, – говорит он ровным, насмешливым тоном. – Беги, невестка. Пока и тебе не перепало. В этом доме, знаешь, всегда ищут, кого бы наказать за чужие грехи.

Он отворачивается, делая вид, что с предельным вниманием изучает причудливый узор на лепестке орхидеи.

Я, с трясущимися коленями, огнём в щеках и странной, сладкой тяжестью внизу живота, проскальзываю мимо него, стараясь не бежать. Бегство – признак вины. А я... я уже чувствую себя виноватой. Виноватой в каждом вздохе, в каждом ударе сердца, в каждой искре, что он высек в моей душе.

Выхожу в коридор и почти сталкиваюсь с ханум-эне. Она стоит, поджав тонкие губы, а горничная заплаканная, шмыгает носом у неё за спиной, стараясь стать невидимой.

– Сафира-джан! – Свекровь шипит, как раскалённое масло, и это ее ласковое "джан" звучит страшнее любой ругани. – Где это ты пропадаешь, как шайтан в месяце Рамадан? Словно тень какая, крадёшься. Не забыла, завтра у нас большой той, на который съедется вся знать, в честь приезда нашего джан-Тамира?

– Нет, ханум-эне, не забыла, простите, – отвечаю, опуская глаза так низко, что вижу только кончики её дорогих туфель.

Мои глаза, наверное, всё ещё горят тем грешным огнем, что зажёл во мне её младший сын. Лишь бы она ничего не заподозрила!

– Надеюсь, завтра ты не будешь с таким потерянным овечьим видом пугать почётных гостей, — продолжает свекровь, и её взгляд, острый и холодный, сканирует меня с ног до головы, выискивая изъяны, пятна, следы непослушания. – Ты – лицо нашей семьи. Наш намыс. Ты должна сиять, как отполированное серебро в лучах солнца. А не трястись, как осиновый лист на ветру. Исправься. И чтобы завтра ни одной оплошности. Или ты хочешь, чтобы все шептались, что Алишер взял в жёны недотёпу?

Она сыплет поручениями, как градом из пулемета: лично проверить, чтобы каждый пыльник на столовом серебре лежал под нужным углом, свериться со списком гостей и выучить имена-отчества всех жен и дочерей, отобрать фрукты так, чтобы ни единого пятнышка, проконтролировать, чтобы пахлава вышла слоёной, как перины невесты, а не как подошва пастуха...

Каждый её взгляд – напоминание, что я здесь не хозяйка, а прислуга с положением, временно допущенная в святилище. Она злится, что мир вертится не с той скоростью, и я – первая, на ком это сказывается.

Заставляю себя дышать ровнее, вжимаясь в привычную роль. Работа – это хорошо. Много работы – это спасение. Мой щит.

Больше Тамерлана я не вижу. Замечаю лишь, как его чёрный Гелендваген с рёвом вырывается из ворот после обеда, будто спеша навстречу какому-то безотлагательному, весёлому свиданию.

И слава Аллаху. Пусть уезжает. Пусть исчезнет вместе с этим странным трепетом под кожей. Он – шайтан, насылающий смуту. Я должна быть сильнее.

Вечером приезжает Алишер. От него пахнет выдержанным коньяком, дорогими сигарами и...чужими духами. Женскими, сладкими, дешёво-крикливыми. Он что, приехал от другой женщины?! Пока я тут в роли служанки, развлекается в свое удовольствие?!

Меня скручивает от омерзения. Но вместе с омерзением приходит и странное облегчение. Значит, я не одна нарушаю правила. Значит, его “собственность” тоже имеет изъяны, о которых он молчит.

– Были с братом. Он умеет выбирать заведения, – бросает Алишер, снимая пальто и даже не глядя на меня, протягивая его, как само собой разумеющееся. – Обсудили дела. У него хоть и ветер в голове, но связи нужные имеются.

Муж проходит в столовую, где я, вопреки усталости и боли в спине, накрыла для него ужин при свечах. Глупый, дурацкий романтический порыв. Подумала, что может мы ещё можем что-то наладить... хоть что-то... Не хочу доходить до греха...

Алишер садится во главе стола, разворачивает тяжёлую льняную салфетку.

– Сафира, – говорит он вдруг, и его взгляд наконец-то останавливается на мне.

Но в нём нет тепла, нет того, что я видела в глазах своего отца, когда он смотрел на маму. Есть лишь холодный, деловой расчёт.

– Нам нужно поговорить о детях. Наследниках. Продолжателях рода и дела...

– Алишер, но ведь ещё два года только прошло... Когда будет воля Аллаха...

– Сафира, не смей меня, – грубо перебивает. – Два года – достаточный срок. Женщины в наших краях, в нашем кругу, к этому времени по третьему ребёнку нянчат, а ты...не стараешься даже.

Меня будто обдают ледяной водой, а потом бьют обухом по голове. Вот оно. Теперь и в этом я виновата. В том, что не получается забеременеть. Хочется взвыть от обиды.

Это все так чуждо... У матери с отцом было иначе. Папа, профессор с тихим голосом и добрыми глазами, никогда не ставил маме условий. Он приносил ей по утрам кофе в постель, целовал в макушку, когда она готовила ужин. Они разговаривали. Смеялись. Он был излишне мягким, доверчивым человеком... Вот и поплатился за свою наивность. Его обманули, подставили, навесили долги, сравнившие его с землёй. Но хоть любовь у них была настоящая. А здесь...

– Алишер, я... мы можем... попробовать... быть ближе, – осторожно, срывающимся голосом говорю я, чувствуя, как горит лицо.

– Ближе? – Он хмыкает, отрезая себе кусок сочного мяса, даже не попробовав приготовленного мной соуса. – Мы и так близки, как должны быть муж и жена. Что ты ещё придумала? Романы эти глупые читаешь? Твоя задача – родить. Джигитов. Крепких, здоровых, с нашей кровью. Чтобы продолжили моё дело, укрепили наш род. Всё остальное – блажь. Тебе что, мало того, что ты живёшь в этом доме? Ходишь в шёлках? Чего ещё надо?

Он говорит грубо, будто отчитывает нерадивого подчинённого, будто я не жена, а неудачная инвестиция.

Аллах, как же я устала...Ни единого ласкового слова за два года. Ни одного взгляда, который говорил бы, что он видит перед собой живую женщину с её страхами и желаниями. Вместо этого полное, леденящее душу неуважение. Я для него – вещь. Дорогая, но вышедшая с небольшим браком.

Он доедает в полной тишине, выпивает стакан ледяной родниковой воды и, бросив на стол салфетку, не сказав больше ни слова, уходит в кабинет “поработать”.

Позже, когда я уже в постели, измученная и опустошённая, он приходит, тяжело падая рядом. От него по-прежнему пахнет чужими духами.

Поворачивается ко мне спиной, широкой, неприступной стеной, и через минуту его дыхание срывается в храп.

А я лежу с открытыми глазами, глядя в потолок, где играют блики от уличного фонаря. Дети... Наследники... Джигиты... Слова, тяжёлые, как камни, крутятся в голове, смешиваясь с живым, жгучим воспоминанием о прикосновении в зимнем саду. О том, как на меня смотрели именно как на женщину. С желанием. С интересом. Впервые за два года. И этот взгляд исходил от человека, которого в этом доме считают исчадием ада.

Муж храпит ещё громче. А я ворочаюсь на шелковой простыне, никак не могу уснуть.

И вот, вопреки воле, память возвращает меня в другое время, в другую комнату – маленькую, уютную, пропахшую старыми книгами и яблочным пирогом.

Когда я не могла уснуть, мама-джан садилась на край кровати, её тёплая рука ложилась мне на голову, и она тихим голосом начинала: "Жил-был в одном ауле джигит по имени Аслан...".

А иногда, если мама уставала, приходил отец. Снимал очки, усаживался в кресло, и его мягкий баритон наполнял комнату сказаниями о мудрых старцах или старинными кавказскими легендами. От их голосов, от самой атмосферы доброты и защищённости меня постепенно клонило в сон, сладкий и безмятежный.

А потом, когда я подросла, уже стыдилась детских сказок. Ночью, когда в доме воцарялась тишина, я тихонько, боясь скрипа половиц, пробиралась к стеллажу. Включала бра – старый, с зелёным абажуром. Свет падал узким лучом, создавая волшебный круг. Я доставала с полки не учебник, а потрёпанный томик, купленный на сэкономленные от завтраков деньги.

Любовные романы. Те самые, где страсть бушевала, как горная река весной, где взгляды жгли, а клятвы давались навеки. Я зачитывалась ими до рассвета, пряча под подушку, и засыпала с мечтой о своей большой, всепоглощающей любви. О джигите, который увидит в мне не просто девушку, а родственную душу, которую будет боготворить и защищать.

Но здесь, в этом доме-крепости, мои романы – запретный плод.

"Дешёвое чтиво для служанок" – бросил Алишер, случайно обнаружив однажды спрятанную книжку. Он вырвал её из моих рук и швырнул в камин без тени сомнения.

Но сейчас... Я не могу уснуть, мысли путаются, тело ноет от усталости и невысказанного напряжения.

И вдруг эта дерзкая, почти бунтарская мысль: а почему бы и нет? Библиотека! Старинная, огромная, принадлежавшая его деду. Там, среди фолиантов по истории и экономике, на самой верхней полке, я однажды мельком видела том в потертом кожаном переплете. Стихи.

Это решение созревает во мне, как спелый гранат, готовый лопнуть. Оно даёт силу.

Тихо, чтобы не разбудить спящего каменным сном хозяина этого дома, сползаю с огромной кровати, накидываю на ночную сорочку лёгкий шелковый халат и босыми, замерзшими ногами пробираюсь по спящему дому, к массивной дубовой двери, ведущей в библиотеку.

Дверь со скрипом поддаётся. Воздух внутри пахнет пылью, старой бумагой и... тайнами. Лунный свет, пробиваясь сквозь высокое стрельчатое окно, серебрит ряды корешков.

Включаю слабый свет лампы. Подхожу к стеллажу, тянусь к той самой верхней полке. Кончики пальцев скользят по потертой коже переплёта. Вот он. Я снимаю книгу. Она тяжёлая, настоящая. Сажусь в глубокое кожаное кресло у окна. Открываю страницу наугад.

И даже строчки не успеваю прочитать...

Глава 5.

Слышу скрип тяжёлой дубовой двери. И шаги.

Даже не поворачиваю голову. Пальцы на старинном кожаном переплёте замирают.

Я уже знаю. Знаю по сжавшемуся животу, по мурашкам, пробежавшим по спине. По той бешеной, невидимой энергии, что ворвалась в комнату и наполнила её, как грозовой фронт перед ливнем. Это не хозяин дома. А его брат...

– Не спится, невестка? – голос с хрипотцой звучит прямо у меня за спиной.

Я не отвечаю. Дышу, стараясь, чтобы спина оставалась прямой, а плечи не выдали этой внутренней дрожи.

Слышу, как он обходит кресло, как его высокая, мощная тень накрывает меня, заслоняя лунный свет и мягкий свет настольной лампы.

Он останавливается прямо передо мной, и внезапно я оказываюсь в его личной темноте. В полумраке его лицо – загадочная маска из резких скул и твёрдого подбородка. Но глаза... Его глаза – две тёмные, бездонные пещеры, в которых пляшут отблески далёкого пламени. Они не просто смотрят. Они поглощают. Пожирают...

– Или мысли твои, словно горные орлы, кружат и не дают приземлиться? – продолжает он, и в его голосе нет привычной насмешки. Есть густой, бархатный интерес, опасный и манящий, как пропасть.

Невольно вздрагиваю и поднимаю на него глаза. И понимаю – он всё видит. Видит мою ночную тоску. Читает меня, как самую простую из книг, что лежат на этих полках.

Стыд и нечто похожее на ярость поднимаются комом в горле.

– Это не ваше дело, деверь, – выдыхаю я, но в голосе нет ни силы, ни убеждённости, только сдавленный шёпот.

– Всё, что дышит здесь теперь и мое дело, — мягко, почти ласково парирует он, и в этой мягкости – стальная уверенность волка, знающего, что добыча уже в ловушке.

И вдруг он опускается. Не садится рядом. Опускается на корточки прямо передо мной. Мы оказываемся на одном уровне.

Его лицо теперь так близко, что я различаю каждый волосок небритой щеки, тонкий шрам над бровью, тёмные зрачки, в которых, кажется, отражаюсь я – испуганная, с растрёпанными волосами, в ночном одеянии.

Эта близость оглушает, лишает дара речи.

– Мой брат, — начинает Тамерлан тихо, и его взгляд, горячий и тяжёлый, приковывает меня к месту, – не достоин даже пыли с твоих туфель. Не то что дышать одним воздухом, пить воду из одного родника...

Его взгляд, будто раскалённое железо, скользит с моих губ вниз, медленно, неспешно, пожирая каждый сантиметр. По шее, где бьётся дикая пульсация, к вырезу моего простого шёлкового халата. Он смотрит так, словно этот тончайший шёлк — прозрачная пелена, и он уже видит всё, что скрыто под ней. Видит и жаждет.

Сердце заходится бешеной, неистовой дрожью, бьётся о рёбра, как птица в тесной клетке. Пытаюсь отвести взгляд, уставить в книгу на коленях, но не могу. Его глаза держат, гипнотизируют.

– Он... он ваш брат, – слабо, как заученную молитву, произношу я, но слова звучат фальшиво, пусто, даже для моих собственных ушей. – И мой муж...

– Муж? – Тамир усмехается одним уголком чувственного рта, и в этой усмешке — вся презрительная мудрость мира. – Хозяин, скажи. Надсмотрщик. Он купил тебя, как покупают

картину. Чтобы повесить на стену и хвастаться перед гостями. Но он даже не догадывается, что за мазками краски скрывается... живой вулкан.

– Вы не имеете права... – начинаю я снова, но голос предательски срывается на полуслове, превращаясь в шёпот.

– На что? На желание? – Он наклоняется, его губы почти касаются моего уха. Дыхание обжигает кожу. – Это право дано мне природой, Сафира. А твоё право – оттолкнуть меня. Так оттолкни. Кричи. Позови своего мужа, от которого пахнет дешёвой шлюхой...

Значит, всё-таки мне не показалось. Алишер действительно, был с другой женщиной... Почему меня это не задевает?...

Тамерлан подносит руку ко мне. Сижую, не шевелясь, парализованная страхом и тем странным, тёплым оцепенением, что разливается по низу живота.

Его пальцы касаются ворота моего халата. Кончиками. Лёгкое, едва ощутимое прикосновение, от которого по коже взрывается шквал мурашек.

– Я покажу тебе разницу, Сафира, – хрипит, — между тем, как смотрят на вещь... и как смотрят на женщину...

Его пальцы плавно раздвигают полы халата. Шёлк, холодный и скользкий, соскальзывает с моих плеч, обнажая тонкую бретельку ночной сорочки и дугу ключицы под ней.

Воздух в библиотеке прохладен, и я чувствую, как под тончайшей тканью моя грудь отзывается на этот взгляд, на эту прохладу, на этот стыд. Сосочки твердеют, выступая под тканью, предательски обрисовывая свои контуры. От возбуждения.

Он видит это. Его взгляд прилипает к этим двум маленьким, твёрдым точкам. Дыхание его на мгновение замирает.

– Видишь? – выдыхает он, почти беззвучно. – Твоё тело... оно умнее тебя.

Потом он касается ткани, прикрывающей грудь. Кончиком пальца проводит по выпуклому контуру через шёлк.

Круг. Медленный, гипнотический круг. От этого прикосновения, отделённого тончайшим барьером, внутри меня всё сжимается, а потом расплывается в тёплой, стыдной волне. Между ног становится мокро, предательски влажно. Сглатываю, чувствуя, как горло пересыхает.

– Тамерлан... – Вырывается стон.

— Тсс, Джаным, — он прикладывает тот же палец к моим губам, заставляя замолчать. — Ни слова. Просто почувствуй. Отдайся тому, что твоё тело уже выбрало.

Его рука опускается снова. На этот раз он не играет. Зачерпывает мою грудь целиком. Вся его широкая, тёплая ладонь ложится на неё через тонкую ткань, обжигая кожу своим весом, своей силой. Он не сжимает, просто держит. Наполняет её своим теплом, своей властью.

А потом... Аллах мой... Его большой палец начинает движение. Медленное, невыносимо нежное. Он водит им в разные стороны прямо по чувствительному, возбуждённому соску. Вправо-влево. Снова и снова.

Мир перестаёт существовать. Есть только это. Это прикосновение.

И его тёмные, горящие одержимостью глаза, в которых я тоню.

И оглушительный, яростный стук крови в висках, в груди, там, внизу. Вся моя жизнь, все правила, весь выученный страх — всё это тает, как воск перед пламенем.

Остаётся только эта точка — эпицентр безумия под его большим пальцем. И от неё по всему моему телу расходятся круги дикого, запретного, всепоглощающего удовольствия.

Зажмуриваюсь, и из самой глубины груди вырывается тихий, сдавленный, постыдный стон...

Глава 6.

И в тот же миг, будто ошпаренная этим звуком, вся моя воля собирается в один отчаянный спазм.

Резко вскакиваю с кресла, с силой отбрасывая его руку. Книга с грохотом падает на пол.

Не оглядываясь, не думая, лишь чувствуя, как по щекам текут горячие слёзы стыда и ярости на саму себя, я выбегаю из библиотеки.

Убегаю от его тихого смеха, который, кажется, звучит за моей спиной.

Убегаю от правды, которую он заставил меня почувствовать каждой клеткой моего предательского тела.

Утром Залина-ханум уже раздает поручения. Входит в столовую, где я проверяю расстановку приборов, и её тень падает на белоснежную скатерть раньше, чем она открывает рот.

– Сафира-джан, – произносит она с той приторной сладостью. – Дай-ка, я посмотрю на тебя.

Я поворачиваюсь, опуская глаза. Она обходит меня кругом, цокая языком. Я чувствую себя кобылицей на базаре – проверяют зубы, гриву, стать. Хороша ли? Не хромает? Не брыкается?

– Вай, – вздыхает она, поправляя ворот моего платья. – Цвет лица бледный. Не спала опять? Мешки под глазами, как у осенней волчицы. Что скажут гости? “У Алишера жена, как поганка лесная”?

Я молчу. Впиваюсь ногтями в ладонь под длинным рукавом.

– Приведи себя в порядок, немедленно! Соберись. Надень достойное платье. Чтобы ни одна сволочь не посмела пальцем ткнуть в мою невестку. Иди. И улыбайся. Ты – моё лицо сегодня. Не опозорь.

– Поняла, ханум-эне, – шепчу тихо.

Через час дом наполняется гулом.

Гости съезжаются на огромных машинах с тонированными стеклами. Женщины – в шелку и парче, с бриллиантами на шеях и запястьях, с пальцами, унизанными золотом так густо, что они не могут полностью согнуть их. Мужчины – в дорогих костюмах, с важными животами и цепкими взглядами хозяев жизни.

Залина-ханум встречает их у входа. Каждой гостье – комплимент, каждому гостю – уважительный поклон. Она улыбается так широко и искренне, что я на мгновение забываю, как её губы кривились от отвращения ко мне всего час назад.

– А, Марьям-джан! – восклицает она, обнимая полную женщину в изумрудном парчовом платье. – Какая ты сегодня, Аллах тебя храни, помолодела лет на десять! А это моя невестка, Сафира. Да, да, та самая. Красавица, правда? И умница, и хозяйка отменная. Всё сама! Вчера до полуночи пахлаву крутила — пальчики устали, бедняжка. Ах, молодость, молодость...

Лицемерие чистой воды. Всю пахлаву служанки готовили...

Стою рядом и дежурно улыбаюсь. Уголки губ уже начинает сводить судорогой.

– И послушная какая! – продолжает свекровь, поправляя складку на моём рукаве так, будто я её любимая дочка. – Я говорю: “Сафира, сделай так”, — она делает. “Сафира, сядь”, — и сядь делает! Не то, что нынешние невестки — беда с ними! Ни стыда, ни совести, ни уважения к старшим! А моя — золото, алмаз, хрусталь, не девушка...

Я опускаю глаза. Аж стыдно становится от ее вранья.

Сегодня на мне не синее платье, а красное. Свекровь просила надеть достойное. Вот и будет пусть красное. Достала его из самого дальнего угла шкафа, где оно висело, забытое, никем

не виданное. Тяжёлый шёлк, цвет спелого граната, цвет заката над морем, цвет того самого огня, что Тамерлан разжёг во мне вчера. Как вспомню, так сразу приятно сводит низ живота.

Когда я спустилась к гостям, Алишер скользнул по мне недовольным взглядом, но ничего не сказал. Залина-ханум поджала губы, и тоже промолчала — при гостях она не позволяет себе критиковать меня открыто.

Вот и сейчас Алишер стоит недовольный, у камина, с бокалом коньяка. К нему подходят мужчины, жмут руки, хлопают по плечу. Он кивает, отвечает коротко, по делу.

Он зол. Я вижу это по напряжённой линии челюсти, по тому, как нервно он постукивает пальцами по бокалу. Но не только из-за меня. Тамерлан опаздывает.

Праздник в его честь. Виновник торжества — и его нет.

— Где этот бездельник? — слышу я шипение Алишера, обращённое к матери. — Опять свои штучки? Я ему устрою!...

— Не смей, — осаживает его Залина-ханум. — Приедет. Не порти вечер при гостях. Успеешь ещё наораться. И потом — ты же знаешь своего брата. Он как горный ветер. Не поймаешь, не удержишь. За это его и любят.

Она говорит о нём с той особенной, снисходительной нежностью, какой у неё нет ни для Алишера, ни тем более для меня. Для неё он — вечный мальчишка, её джан-Тамир, её сорванец, которому всё сходит с рук. Для меня он — ураган, накрывший мой берег без предупреждения...

Стою у окна, делая вид, что поправляю тяжёлую парчовую штору, и смотрю на пустые ворота. Сердце колотится предательски, глупо. Где он? Почему его нет? И почему мне, преданной, послушной жене, так мучительно, так отчаянно важно увидеть, как его чёрный Гелендваген ворвётся во двор?

И тут я понимаю. Понимаю и ужасаюсь. Я не жду окончания этого праздника, этого спектакля. Я жду его. Тамерлана. Того, кто смеет опаздывать на собственный праздник. Того, кто вчера прижимал меня к стене в библиотеке. Того, чьи пальцы...

Нет. Не смей. Не думай, Сафира. Это харам. Это смертный грех. Ты жена его брата, ты принята в эту семью по милости, ты должна быть благодарной, послушной, чистой...

Но мысли уже не слушаются. Они несутся, как табун диких лошадей, и я не в силах натянуть поводья.

Тамерлан приезжает, когда праздник переваливает за середину.

Я слышу рёв двигателя раньше, чем замечаю машину. Каждой клеткой, каждой предательской жилкой узнаю этот звук. Автомобиль влетает во двор, как чёрная молния.

— Вай, приехал! — всплёскивает руками Залина-ханум, но в её голосе — только облегчение и неподдельная радость, ни капли упрёка. — Где же ты ходишь, сынок?! Заждались мы тебя!

Тамерлан выходит из машины медленно, будто у него в запасе вечность. Солнечные очки сдвинуты на лоб, тёмные волосы слегка влажные — будто он только что из душа. А может, с моря. Он загорел ещё сильнее, кожа отликает тёмной бронзой, и на фоне бледных, засидевшихся в офисах и кабинетах мужчин он выглядит... живым. Настоящим. Диким. Хищником, случайно забежавшим в стойло к домашним баранам.

Он поднимается на крыльцо, целует мать в щёку, что-то шепчет ей на ухо, от чего она смеётся и шуточно шлёпает его по спине. Алишер стоит в дверях с каменным лицом. Брат хлопает его по плечу:

— Извини, брат. Дела. Неотложные.

Дела. Конечно, дела. Всего одно слово, брошенное небрежно, с этой его ленивой, самоуверенной улыбкой. И всё прощено. Ему — всё. А мне? Мне не прощают даже взгляда, брошенного на стакан айрана...

Тамир входит в зал, и гости оборачиваются. Женщины задерживают на нём взгляды дольше приличий. Мужчины пожимают руку с почтительной осторожностью, будто трогают дикого зверя, который в любой момент может огрызнуться. Он смеётся — ослепительно, бело-

снежно, свободно – и кому-то отвечает, кому-то кидает короткую, точную фразу. Он двигается в этом море людей, как рыба в воде, не задевая никого и всех очаровывая.

И только раз, всего один раз, его взгляд находит меня. Среди десятков гостей, среди шума и смеха. Находит – и замирает на секунду. Его глаза расширяются, скользя по мне сверху вниз. По красному шёлку. По тому, как платье обнимает талию. В его взгляде читается вчерашняя ночь. Библиотека. Лунный свет на страницах. Он все помнит! Аллах мой! Щеки снова алеют.

Он отводит взгляд, и маска снова надета. Но я уже горю. Я уже слышу, как кровь шумит в ушах громче, чем голоса гостей.

Ближе к концу праздника гости оживляются сильнее.

– А теперь – танцы! – объявляет Залина-ханум, хлопая в ладоши. – Пусть молодёжь покажет удаль!

Гости оживляются. Мужчины переглядываются, кто-то уже поднимается, кто-то оставляет бокалы. Звучит первая, робкая нота зурны, потом – уверенный ритм барабана.

Я замираю. Только не это. Только не танец.

Я не танцевала лезгинку с самой свадьбы. Там меня тоже заставили — свекровь настояла, шепча на ухо: “Не смей опозорить семью. Танцуй. Улыбайся”. Я двигалась. Улыбалась. А потом, ночью, Алишер грозно сказал: “Не надо больше танцевать. Это неприлично. Жена не должна привлекать внимание”.

С тех пор я танцую только в своих снах.

– Сафира! – голос Залины-ханум режет воздух. – Выходи. Покажи гостям, какие в нашей семье невестки!

– Ханум-эне, я... – начинаю я, но она уже подходит ко мне, сжимая мою руку выше локтя так, что останутся синяки.

– Не позорь, – шипит она одними губами, улыбаясь при этом так широко и радушно, будто говорит мне комплимент. – Выходи. Сейчас же.

Я выхожу в центр круга. Ноги не слушаются, сердце колотится где-то в горле. Красный шёлк струится по телу, тяжёлый. Я чувствую десятки взглядов – любопытные, оценивающие, женские – завистливые, мужские – масляные.

И один – особенный. Прожигающий.

Тамерлан сидит, откинувшись на спинку стула, с бокалом в руке. Он не танцует. Он вообще не двигается. Только смотрит.

Смотрит так, будто я одна в этом зале. Будто нет ни гостей, ни брата, ни матери. Будто мы снова в библиотеке, и его пальцы касаются моей груди через тонкий батист.

Музыка начинается. Сначала медленно, плавно, как течение горной реки. Я поднимаю руки, делаю первый шаг. Пальцы дрожат, но я заставляю их танцевать. Я заставляю себя танцевать.

Шёлк летит, обвивая мои ноги. Я кружусь, и красное платье раскрывается, как маковый цветок. Браслеты на запястьях звенят в такт барабану. Я не вижу никого. Только его глаза. Они следят за каждым моим движением – за поворотом головы, за взмахом руки, за тем, как краснота шёлка оттеняет бледность моей кожи.

Он смотрит на меня, как на женщину. Не как на вещь, не как на невестку, не как на собственность брата. Как на женщину, которую хочет.

И я таю под этим взглядом, как воск над пламенем.

Кто-то из гостей хлопает, кто-то кричит “Браво!”. Я делаю последний поворот, замираю, опуская руки. Музыка стихает. Я стою в центре круга, тяжело дыша, и красный шёлк медленно оседает вдоль моего тела.

Выхватываю взгляд Алишера – ледяной, тяжёлый. Он не хлопает. Он смотрит на меня так, будто я публично изменила ему. Я знаю этот взгляд. Он сулит мне ночь без сна. Разговоры за закрытыми дверями. И может быть, завтра – новый синяк на теле, о котором никто не узнает.

Но сейчас мне всё равно.

Потому что Тамерлан, не отрывая от меня глаз, медленно, очень медленно подносит бокал к губам и пьёт. Не сводя с меня взгляда. И в его глазах — чистое, открытое, обнажённое восхищение.

— Сафира! — шипит Залина-ханум, проходя мимо, как только я успеваю отдышаться после танца. — Неси компот из сухофруктов. И не забудь — там, в графине, ещё айвовый шербет для Бибияр-ханум, у неё давление. Быстро, быстро, не копайся, как сонная муха!

Я киваю и почти бегу на кухню.

Свекровь сегодня разогнала почти всех служанок. Ещё утром объявила прислуге: “Сегодня гости должны видеть, какая у нас хозяйка! Пусть невестка покажет себя. Нечего вам тут мельтешить перед важными людьми”. Чтобы похвастаться. Чтобы сказать всем этим увешанным бриллиантами женщинам: “Видите, какая у меня невестка? Послушная, умелая, выдрессированная. Собачку завели — собачка служит. Гордость семьи”...

Захожу на кухню. Здесь тишина. Серебряные крышки кастрюль отражают моё раскрасневшееся после танца лицо. Я подхожу к стойке, протягиваю руку к графину...

И замираю.

Чьи-то сильные руки обхватывают меня сзади, прежде чем я успеваю вскрикнуть. Одна ладонь ложится на мой живот — жёсткая, горячая, властная, вторая зажимает рот — мягко, но настойчиво. Моя спина вжимается в его грудь.

— Тсс, невестка, — голос Тамира звучит у самого уха, низкий, хриплый. — Это всего лишь я. Не кричи. Рано ещё кричать. В постели оторвешься!

Он разворачивает меня к себе, силой несёт к стене и прижимает к ней. Я зажата между ним и спиной.

От деверя пахнет солнцем, морем и тем самым диким, древесным запахом, от которого у меня подкашиваются колени. Запах свободы. Запах беды. Запах моего падения.

— Как спалось, джаным? — шепчет, наклоняясь так близко, что его ресницы почти касаются моего лба. В его глазах — та же бездна, что и вчера. Только теперь в ней пляшет ещё и весёлое, бесовское пламя. — Сладко? Или душно? Металась?

Я молчу, сжимая губы.

— Наверняка я тебе снился, — продолжает он, и его голос становится вкрадчивым, как у шакала, подбирающегося к беззащитной добыче. — Всю ночь, да? Крутилась, бедная. Мне Алишер утром жаловался: “Сафира не спала, металась, всю ночь мне мешала”. А я слушал и думал: это я, брат. Это я к ней приходил. В её сны. Под её веки. На её губы...

— Прекратите, Тамерлан, — выдыхаю я, и мой голос звучит жалко, беспомощно, как писк загнанной в угол мыши. — Гости... Они хватятся...

— Пусть хватятся, — обрывает он. — Я ждал этого момента весь день. Ты думаешь, мне есть дело до гостей?

Это слово — “ждал” — бьёт наотмашь. Ждал. Он — тот, кто опаздывает на собственный праздник. Тот, кто не ждёт никого и никогда. Он говорит, что ждал меня. Как будто без меня его день не состоялся.

— Убежала вчера, — продолжает уже ласковым голосом. — Бросила меня. Одного. В холодной библиотеке. С этой проклятой книгой...

— Это была поэзия, — шепчу я, сама не зная, зачем оправдываюсь.

— Поэзия, — эхом повторяет он. Взгляд опускается на мои губы, и я вижу, как расширяются его зрачки. — Я научу тебя другой поэзии, Сафира. Где рифма — это ритм дыхания, а строки пишутся губами на коже. Хочешь?

Я не отвечаю. Не могу. Всё моё существо — один оголённый нерв. Забываю, как дышать...

А Тамир, как назло, тянется к моим губам. Аллах мой, кажется он хочет меня поцеловать...

Глава 7.

– Сафира! Ты где там застряла?! – голос Залины-ханум врывается в тишину кухни. Он приближается. Она идёт сюда!

Тамерлан замирает. Его челюсть сжимается, в глазах вспыхивает тёмная, горькая досада. Он смотрит на меня – и в этом взгляде столько невысказанного, столько яростного, запретного, что у меня перехватывает дыхание.

– Беги, пока ... – выдыхает он и мгновенно отпускает меня, отступает на шаг, превращаясь в секунду из хищника в светского льва.

Я, не помня себя, хватаю графин и выскальзываю из кухни, почти сталкиваясь в дверях со свекровью.

– Вай, вот ты где! – набрасывается она на меня. – Что так долго? Люди ждут!

Я иду за ней в зал, не чувствуя ног. Графин с компотом в моих руках холодит пальцы. Сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. Думаю лишь об одном: хорошо, что свекровь пришла. Хорошо, что ему помешала. Хорошо, что между нами снова — толпа гостей, хрусталь и ледяные взгляды моего мужа.

Наконец-то гости разъезжаются, машины одна за другой выныривают из ворот и исчезают в ночи.

Залина-ханум стоит у порога, принимает последние благодарности и комплименты. Вечер по ее мнению удался. Гости сыты, напоены, восхищены. Ещё бы! Её сын — уважаемый человек. Её невестка — послушная и молчаливая. Её дом — эталон вкуса и достатка.

Я собираю опустевшие фужеры с низкого столика в гостиной. И все ещё горю. И будто слышу его горячий хрип над ухом...

Тамерлан уехал одним из первых. Сорвался с места, как только мать отпустила его, бросив на прощание: “Дела, мамаджан, срочные”. Она только вздохнула и перекрестила его вслед. Алишер даже не поднял головы.

Я смотрела, как чёрный Гелендваген исчезает за воротами, и не понимала, что чувствую: облегчение или отчаяние?

– Не стой столбом, – голос Алишера режет воздух за моей спиной. — Отнеси всё на кухню и поднимайся вверх. Нам надо поговорить.

Я не оборачиваюсь. Киваю, чувствуя, как ледяная игла входит под лопатку. Нам надо поговорить. В его словаре это значит – мне надо высказать тебе всё, что накопилось. А тебе – молчать и слушать.

Кухня встречает меня стерильной тишиной. Я ставлю фужеры в мойку, но вода слишком холодная, пальцы немеют. Я смотрю на своё отражение в тёмном окне — красное платье, растрёпанные волосы, лихорадочный румянец на щеках. Я выгляжу так, будто только что вернулась с любовного свидания. И, наверное, так оно и есть.

Поднимаюсь по лестнице, держась за перила. Каждая ступенька даётся с трудом, будто ноги налиты свинцом. В спальне горит только бра у кровати.

Алишер стоит у окна, спиной ко мне. Он уже без пиджака, рубашка расстёгнута на воротах, волосы растрёпаны. В руке — стакан коньяка. Не первый уже за этот вечер.

Я замираю у двери, не решаясь войти.

— Закрой дверь, — говорит он, не оборачиваясь.

Закрываю.

Он медленно поворачивается. И я вижу его лицо. Не просто злое. Одержимое. Глаза сужены, ноздри раздуваются, желваки ходят под кожей. Он смотрит на меня так, будто я — враг, пробравшийся в его крепость и отравивший колодец.

— Ты зачем надела это платье? — Голос тихий, шипящий, как змея в сухой траве. Я молчу. Горло сжимается.

— Я спрашиваю, — он делает шаг ко мне, — ты зачем надела это платье?

— Я... я думала, оно красивое...

— Красивое, — эхом повторяет он. — Ты думала, оно красивое. А о том, что я ненавижу красный цвет, ты не думала? Ты вообще чем думаешь, Сафира? Головой? Или тем местом, на которое паялся сегодня весь этот сброд?

— Алишер, прости, я не хотела...

— Не хотела! — Он с размаху ставит стакан на комод, и коньяк выплёскивается через край, тёмной лужей растекаясь по полированному дереву. — А танцевать ты тоже не хотела? Я видел, как ты крутилась. Как платье это проклятое летало вокруг тебя. Как ты голову запрокидывала. Как глаза горели.

Он подходит ближе. Я отступаю, но спина упирается в дверь. Ловушка захлопнулась.

— Ты думаешь, я слепой? — Его лицо в нескольких сантиметрах от моего. От него несёт перегаром. — Ты думаешь, я не вижу, как они все на тебя смотрели? Эти старые козлы с сальными глазами? Эти мальчишки, которые чуть слюной не истекли? А мой брат... — он делает паузу, и в тишине это имя звучит как пощёчина. — Особенно мой брат.

— Алишер, я не знаю, о чём ты... — голос срывается, превращается в жалкий шёпот.

— Врешь! — Он хватается меня за плечо, сжимает. Я вскрикиваю от боли. — Ты, моя жена, смеешь желать других? Смеешь хотеть, чтобы на тебя смотрели чужие мужчины?

— Нет, я... отпусти, мне больно...

— Боль? — Он усмехается, и в этой усмешке — всё его презрение. — Ты не знаешь, что такое боль. Но я могу тебе напомнить.

Он силой снимает с меня платье. Обнажая бледную кожу, синяк на ребре — старый, уже пожелтевший по краям.

Алишер замирает. Его взгляд падает на этот синяк. В его глазах не стыд. Не раскаяние. Удовлетворение.

— Моя отметина, — хрипит, проводя пальцем по желтоватому краю. — Моя. Я оставил её. И я оставляю новые. Чтобы ты помнила, чья ты.

— Алишер, пожалуйста... — слёзы уже текут по щекам, горячие, солёные. — Я ничего не делала... я никогда... я верная жена...

— Верная жена не надевает красное, — отрезает он. — Верная жена не танцует, как баядерка в публичном доме.

— Я... я не хотела... Это Залина-ханум... — шепчу я, но слова уже не имеют значения.

Его удар, тяжёлый, точный приходится в то же самое ребро. Боль пронзает всё тело от макушки до пят. Падаю на колени, складываясь пополам.

— Не смей кричать, — его голос доносится откуда-то сверху. — Не смей звать на помощь. Никто не придёт.

Я лежу на ковре, свернувшись калачиком, и тихо, беззвучно плачу. Слёзы текут по щекам, капают на ворс, исчезают в тёмном узоре.

Он стоит надо мной, тяжёлый, неумолимый, как скала. Я вижу только его ботинки. Чёрные, начищенные до зеркального блеска. Идеальные.

— Если я ещё раз увижу, — говорит он тихо, — как ты смотришь на других... я сломаю тебе рёбра и не только.

Я не отвечаю. Не могу. Воздух застревает где-то в горле, не желая идти в лёгкие.

Он стоит надо мной ещё минуту. Потом разворачивается и уходит, не оглядываясь.

Я пытаюсь подняться, опираясь на комод. В глаза бросается лужица пролитого коньяка. Я смотрю на неё и вдруг понимаю: это цвет его глаз. Тамерлана. Цвет спелого каштана, меда, огня. Цвет свободы.

Я макаю палец в коньяк и медленно, очень медленно рисую на полированной поверхности букву «Т». А потом так же медленно стираю её рукавом халата.

Завтра я надену синее.

Завтра я снова стану идеальной, послушной.

Я кое-как поднимаюсь, держась за стену. Добираюсь до ванной, запираю дверь, сползаю по кафельной стене на пол.

Включаю воду, чтобы заглушить звуки. И только тогда позволяю себе разрыдаться по-настоящему — громко, навзрыд, не сдерживаясь.

Я плачу не от боли. Я плачу от стыда. Оттого, что он был прав. Я смотрела на Тамерлана. Я думала о нём. Я надела это платье для него. Я танцевала для него. Я хотела, чтобы он видел меня. Чтобы он смотрел. Чтобы он касался.

Я — жена его брата — хотела другого мужчину.

И за это меня наказали.

И самое страшное — я знаю, что если бы всё повторилось, я сделала бы то же самое. Снова надела бы красное. Снова вышла бы в круг. Снова искала бы его глаза среди сотни чужих лиц.

Потому что он — единственный, кто смотрит на меня и видит женщину.

И это знание — моя самая страшная вина. И моя единственная правда.

Три дня. Семьдесят два часа. Четыре тысячи триста двадцать минут.

Без Тамерлана.

Он как уехал в ту ночь после праздника, больше не возвращался.

Случайно, проходя мимо кабинета, слышу разговор мужа и свекрови.

— ...сказал, дела срочные. В Москву улетел. А может, и дальше. Ты же знаешь своего брата — ветер в голове, ни корней, ни привязанностей...

Пауза. Голос Алишера — сухой, раздраженный:

— И надолго? Или как в прошлый раз — на два года с концами?

— Не говори так. Он вернется. Он же наш, кровь родная. Все исправится. Вот женится, остепенится...

— Кто ж за него пойдет? Кто захочет такого гуляку?

— Есть у меня одна на примете, — загадочно говорит свекровь.

Я отхожу от двери. Дальше слушать не могу. Да и не хочу. Не хочу знать, что Тамир на ком-то женится. Точно, голову потеряла. Мне нужно забыть о нем. Навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.